

На полу осталась лежать побледневшая Вэй Жуюань.

Гу Шэн была в шоке!

Она вдруг почувствовала, что, хоть Девятому высочеству и мало лет, но коли она разгневется, ей не нужно будет говорить ни одного грубого слова, чтобы напугать человека до полусмерти!

Всего лишь один спокойный вопрос, и сколько в нем было скрытой угрозы —

Он не только напомнил Вэй Жуюань о её проступке, но и указал на её происхождение, намекая, что если она осмелится снова шалить, то вся её семья пострадает...

Вот это было ловко подмечено!

Гу Шэн вспомнила свои неуклюжие попытки угрожать...

Как же это было жалко!

Она следовала за Цзян Чэньюэ, спускаясь с этажа из павильона Дунли, и никак не могла вспомнить, когда в Императорской академии она встречала Вэй Жуюань.

Просматривая список участников Столичного состязания талантов, Гу Шэн действительно почувствовала, что имя ей знакомо, но...

Только такой «мастер запоминания обид», как Девятое высочество, мог точно помнить имя и происхождение человека!

Гу Шэн принялась прикидывать, сколько сладких пирожных Девятого высочества было раздавлено, как однажды она выпустила сверчка, которого ей подарили, потому что он слишком шумел...

Чем больше она думала, тем больше её охватывал страх. Она сглотнула и, войдя в карету, украдкой посмотрела на лицо Девятого высочества.

Как раз в этот момент она наткнулась на взор Цзян Чэньюэ, который, казалось, выражал недовольство. Гу Шэн поспешно опустила голову.

С другой стороны раздался насмешливый вздох Цзян Чэньюэ, которая тихо спросила:

— Поняла, что жалеешь?

Гу Шэн замерла, её глаза забегали. О чем она жалеет?

Чем она могла обидеть мелкую пакостницу?

Когда её подставили, она же без колебаний «выставила себя дурочкой»!

О чем еще можно сожалеть?

Гу Шэн посмотрела на сидящую напротив мелкую пакостницу, нахмурилась, но так и не поняла.

Она не могла просто так обидеть мастера запоминания обид! Нужно было выяснить!

— Жалею? О чем говорит Ваше высочество?

Цзян Чэньюэ слегка нахмурилась, смотря на свою непонятливую спутницу в учении с явным презрением, и произнесла:

— Неужто с кем попало поболтать важнее, чем заставлять меня ждать на улице?

Гу Шэн вдруг поняла, вздрогнула и умоляюще сказала:

— Нет, Ваше высочество... Я должна была просмотреть визитки в будуаре, это старая традиция Столичного состязания талантов. Я не посмела бы заставить Вас ждать!

— Хм, — Цзян Чэньюэ отвернулась в сторону, её лицо оставалось холодным.

Какая же мелкая!

Гу Шэн не могла сдержать внутреннего возмущения, но на лице оставалась виноватой, продолжая извиняться:

— Только в этот раз, Ваше высочество, будьте великодушны. Я больше не осмелюсь пренебрегать Вами!

Цзян Чэньюэ холодно усмехнулась и тихо напомнила:

— Только в этот раз? На прошлогоднем празднике дня рождения ты всё время болтала с восьмой сестрой, совершенно забыв, что я плохо себя чувствую.

— ... — Гу Шэн почувствовала, как будто её ударили молнией. Эта мелкая пакостница, даже будучи пьяной, всё помнила! Как с этим жить?

И вообще, Ваше высочество, вы в таком юном возрасте тайком выпилила вина, а потом требовали, чтобы тебя утешали! Это просто несправедливо!

Разве не говорят, что Сыны Неба должны обладать великой душой?

С такой мелкой душонкой, как они могут править Поднебесной?!

Гу Шэн смущенно пробормотала и, в конце концов, опустила голову, признавая свою вину:

— Я была невнимательна, больше такого не повторится. Отныне я всегда будет ставить Ваше высочество на первое место!

Только тогда мелкая пакостница смягчилась, откинулась на сиденье, положив одну ногу на противоположное сиденье, рядом с ногой Гу Шэн, а другую согнув под собой.

Красный подол платья скользнул вниз, обнажая лодыжку и кожаный ремешок, обвивающий ногу до колена, подчеркивая стройные пропорции.

Гу Шэн, увидев это, покраснела от стыда и поспешно прикрыла свои ноги юбкой...

Увидев, что Девятое высочество больше не собирается её упрекать, Гу Шэн перебралась на другую сторону, села рядом с Цзян Чэньюэ и аккуратно подняла упавший подол платья, чтобы он не испачкался.

Как только она коснулась ткани, Гу Шэн удивилась. Она не ожидала, что материал будет таким тонким, хотя издаലെка казался тяжелым. Неудивительно, что танец с мечом выглядел таким легким и грациозным.

Вскоре карета остановилась, слуга поднял занавеску, и Цзян Чэньюэ первой вышла.

Гу Шэн, держась за дверь, посмотрела на вывеску ресторана и спросила:

— Ваше высочество, вы здесь заказали банкет?

— Вторая сестра заказала. Там также будут пятый и седьмой брат. Пошли.

Цзян Чэньюэ протянула ей руку, Гу Шэн крепко взяла её и осторожно вышла из кареты, следуя за Девятым высочеством в ресторан.

Услышав, что Цзян Хань тоже будет там, Гу Шэн была рада, но пятый и седьмой принцы были ей незнакомы.

Как благородная аристократка, она должна была быть осторожной с двумя незнакомыми императорскими аристократами. Она хотела спросить, не стоит ли ей удалиться, но не знала, как это сделать.

Когда слуга поднял занавеску в частной комнате, Гу Шэн с удивлением обнаружила, что на ужине присутствовали не только она одна.

За большим круглым столом, помимо трех императорских аристократов, сидели пять нарядно одетых благородных аристократов!

Все они выглядели знакомыми, вероятно, это были участники сегодняшнего состязания.

Среди них были четыре девушки и один молодой человек.

Этот молодой человек был тем, кто сегодня соперничал с Гу Шэн за первое место. Какая неожиданная встреча.

Гу Шэн не показала своего недовольства, просто сделала вид, что не знает его, и последовала за Девятым высочеством в комнату.

Молодой человек, увидев её, сначала нахмурился, а затем, заметив, что она следует за Девятым высочеством, сжал кулаки.

Цзян Хань, увидев Гу Шэн, сразу же встала и тепло её поприветствовала.

Затем все остальные благородные аристократы, которые до этого были сдержанны, с горящими глазами подошли к Цзян Чэньюэ, представляясь.

Поскольку Девятое высочество была еще невысокого роста, её заслонили эти благородные аристократы, и она не могла увидеть блюда на столе. Это, естественно, её раздражало, но она не могла их прервать.

Рассеянно выслушав все представления, Девятое высочество кивнула и тихо сказала:

— Извините, — и направилась к столу.

Гу Шэн поспешно последовала за Девятым высочеством через толпу, как вдруг пятый принц с улыбкой подошел, взял Цзян Чэньюэ за руку и что-то прошептал ей на ухо.

Гу Шэн не смела подслушивать разговор императорских аристократов, так что вежливо отошла на шаг.

Что бы ни сказал пятый принц, внимание Цзян Чэньюэ переключилось с еды на него. Она подняла бровь и с интересом посмотрела на группу благородных аристократов позади.

Несколько благородных аристократов тут же окружили её, помогая сесть.

Гу Шэн, вытесненная из толпы, уже собиралась пробиться обратно к Цзян Чэньюэ, как услышала голос Цзян Хань с другой стороны:

— Ашэн, садись сюда.

Если бы это было раньше, Гу Шэн с радостью согласилась бы.

Но она только что в карете поклялась, что всегда будет думать о Девятом высочестве, и не могла сразу же отвернуться.

Она посмотрела назад и увидела, что Девятое высочество уже окружено благородными аристократами, её узкие глаза с любопытством рассматривали незнакомых людей, и на лице играла улыбка...

Гу Шэн почувствовала, как в ней поднимается необъяснимая злость. Она смотрела на профиль Цзян Чэньюэ, и её сердце наполнялось горечью.

Она знала, что в прошлой жизни Цзян Чэньюэ вела вольный образ жизни, но не ожидала, что это проявится так рано.

Гу Шэн больше не думала, с сердитым лицом поклонилась Цзян Хань и села рядом с ней.

Цзян Хань и Гу Шэн уже были знакомы, они часто вместе смотрели представления и ужинали после занятий, но впервые сидели рядом при других.

Цзян Хань была немного сдержаннее, чем в приватной обстановке.

Гу Шэн, обычно обслуживавшая Девятое высочество во время обеда в чайной Императорской академии, теперь не могла отвести глаз от мелкой пакостницы, сидящей напротив.

Ей постоянно хотелось подойти, оттолкнуть этих благородных аристократов и самой подать еду и суп Девятому высочеству...

Как же это было печально! Она, старшая дочь дома виконта, никогда не обучавшаяся дворцовым манерам, теперь стала такой рабыней из-за мелкой пакостницы!

Её сердце переполнялось обидой, и она начала есть, не обращая внимания на других.